
СТАТЬИ

С. Д. СКАЗКИН И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

А. И. Данилов

В истории исторической науки запечатлен сплав методологических идей, преобладавших на разных этапах развития этой науки; идеологической борьбы, оставившей неизгладимый след на движении исторической мысли, носителями которой явились различные школы и направления; взаимодействия истории со смежными науками; обогащения источниковедческой базы; в разной степени объективных результатов научно-исторического познания, неотделимых от тех специальных методов, с помощью которых они были получены; постановки перспективных проблем, которыми с различных идейных позиций занимались многие поколения ученых. Без вычленения в этом многоплановом материале движущих сил исторического познания нельзя обогатить историческую науку, создавать труды, являющиеся для нее вехами. Этим объясняется то пристальное внимание к историографии, которое присуще всем выдающимся историкам независимо от того, были ли ими предприняты специальные историографические штудии. Не будет преувеличением сказать, что широкая историографическая эрудиция, ее творческое использование принадлежат к числу неперменных условий для того, чтобы прокладывать новые пути в исторической науке.

Именно потому, что история исторической науки представляет собой, если так можно выразиться, концентрированное историческое познание во всем его многообразии и противоречивости, подлинно научная разработка этой истории несовместима с бесстрастно объективистским отношением как к предшествующей, так и к современной историографии. Уже тот факт, что историческое познание и историческое сознание входят в общественное познание и общественное сознание как неотъемлемые части, предопределяет социально-классовую направленность каждого крупного историографического явления. Такая направленность всегда своеобразно выражена и поэтому требует тщательного рассмотрения, которое всегда специфично применительно к данному времени, к данной исторической школе. В его основе для историка-марксиста лежит умение «применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения»¹.

В этом плане весьма поучительны некоторые из мыслей ныне покойного акад. С. Д. Сказкина, относящиеся к проблемам историографии, их трактовка, которая содержится в творчестве этого выдающегося ученого, одного из создателей советской медиевистики. В богатом научном наследии С. Д. Сказкина, созвучном сегодняшним задачам нашей науки, одно из важных мест занимают страницы, посвященные этим проб-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 69.

лемам. Они актуальны для нас как с точки зрения оценки тех или иных исторических школ, направлений и концепций, так и с точки зрения тех принципов, которыми руководствовался ученый при анализе историографического материала.

Исходным пунктом в этом анализе, как и во всей научной работе, для С. Д. Сказкина было твердое убеждение, что творцы марксизма-ленинизма, «создав подлинно научную теорию развития человеческого общества, бесконечно углубили наше познание и проникновение в существо исторического процесса, дали нам возможность совершенно объективно судить о значении каждого класса в предшествующей истории человечества»². Эта теория позволила увидеть во всем многообразии конкретной истории законы движения общественных формаций. «Только на этой основе может быть исследован и выяснен сложный, противоречивый процесс исторического развития в тех его индивидуальных формах, которые он принимает у разных народов в различных странах» (стр. 263). Непременным условием для такого исследования прошлого является последовательное осуществление классового подхода к историческим фактам. «...Только в классовом анализе во всей его сложности можно найти ключ к пониманию любого явления...», — читаем мы в статье С. Д. Сказкина «К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма» (стр. 369). Именно марксизм-ленинизм, вооруживший историка классовым подходом, классовым анализом, позволяет проникнуть в сущность исторических событий, вскрыть их классовые корни.

Говоря о главном отличии трудов историков-марксистов, посвященных культуре Возрождения, от работ буржуазных ученых, С. Д. Сказкин указывал, что «буржуазная историография, даже в ее прогрессивный период, выясняя, и подчас правильно, существенные черты культуры Возрождения, никогда не ставила и по понятным причинам не могла ставить вопрос о классовых корнях Возрождения, подчеркивая общечеловеческий характер созданных ею ценностей культуры. Стало быть, буржуазная историография не могла выводить эти черты (как бы положительно или отрицательно она ни оценивала их) из потребностей жизни. Подобная задача по плечу лишь исследователям, вооруженным марксистско-ленинской методологией истории» (стр. 358). Решение этой задачи совершенно необходимо для того, чтобы проникнуть в сущность событий, вскрыть их внутреннюю необходимость и взаимную связь, восходящую вплоть до самых сложных идеологических образований. «В истории сущность явления есть социально определяемая жизненная необходимость данного явления. В классовом обществе деятельность класса, вытекающая из социальной борьбы и стремления классов к самосохранению, с необходимостью определяет те идеологические надстройки, которыми класс оформляет свое поведение в собственном сознании» (стр. 365).

В приведенных выше суждениях четко прослеживается мысль о классовой обусловленности буржуазной историографии, которая определяет ее методологическую природу и неизбежно приводит к идеализму в понимании существа исторического процесса. Из этого проистекало то последовательное, бескомпромиссное и подчеркнутое противопоставление марксистско-ленинской концепции исторического процесса любым вариантам буржуазно-идеалистического его понимания, противопоставление, столь характерное для подхода С. Д. Сказкина к историографическим проблемам, идет ли речь об историографии западноевропейского крестьянства, феодального государства, перехода от античности к средневековью или об историографии Возрождения. С. Д. Сказкин умел блестяще показать, как гносеологическая возможность принять видимость сложного явления за его сущность, подстерегающая историка и

² С. Д. Сказкин. Избранные труды по истории. М. 1973, стр. 2. В дальнейшем ссылки на это издание работ С. Д. Сказкина даются в тексте статьи.

создающая опасность поверхностного, более того, искаженного его отражения и истолкования, в буржуазной историографии (в соответствии с ее классовым характером) реализуется в действительность и служит вполне определенным классово-эгоистическим целям.

В работе «Проблема абсолютизма в Западной Европе» С. Д. Сказкин, констатируя, что «буржуазные ученые стремятся не к подлинно научному пониманию государства, а ищут формулу, которая скрывает бы самое главное — функцию государства как органа классового принуждения» (стр. 341), показывает, как сложность исторического познания, трудности, стоящие перед ним, используются в буржуазной историографии с вполне определенными классовыми позициями, независимо от того, знают ли это или нет те или другие ученые. «В классовом обществе реальным интересом, на основе которого формируются классы как реальные общности, является классовый интерес, хотя он может и не осознаваться отдельным членом того или другого класса как общий интерес, а сама общность интереса — как класс. На этом-то как раз и покоится иллюзия государства как интереса всего антагонистического общества в целом. Именно эта иллюзия и принимается буржуазными учеными за реальность, для которой они ищут основу в социальности как таковой, присущей якобы человеческой природе. Вследствие этого объективно буржуазное учение о государстве есть сознательное или бессознательное сокрытие того действительно реального факта, что в основе государства лежит реальный интерес господствующего класса, а не общества в целом, а само государство есть орган насилия над эксплуатируемыми» (стр. 343).

Тот реальный интерес господствующего класса, о котором писал С. Д. Сказкин, предполагает прежде всего подавление классового сопротивления эксплуатируемых, их борьбы против существующего способа производства. Эта классовая борьба, как неоднократно подчеркивал выдающийся советский медиевист, является всегда конкретным историческим фактом, ее формы могут быть изучены и правильно истолкованы «только на базе ясного представления о той конкретной обстановке, в которой она происходила, и о тех целях, которые борющиеся себе ставили» (стр. 254). С. Д. Сказкин решительно настаивал на недопустимости обособлять классовую борьбу от состояния производственных отношений и считал вульгаризацией марксизма представление, будто бы классовую борьбу можно логически рассматривать как нечто предшествующее развитию производительных сил и соответствующих изменений производственных отношений (стр. 250).

Четкость исходных методологических позиций и принципиальность историографического анализа позволили С. Д. Сказкину дать содержательную характеристику буржуазной историографии на разных этапах ее развития, а также ряда исторических школ и отдельных историков. Отмечая достижения западной буржуазной исторической мысли в тот период, когда буржуазия была прогрессивным классом, он в то же время применительно к различным историческим проблемам показал, в чем выражалась классовая ограниченность этой историографии. Так, говоря о широко распространенном в исторической литературе шаблонном подходе к средним векам с исключительно отрицательной их оценкой, ученый указал на истоки такого подхода в гуманистической и просветительной историографии. «Нам совершенно нет никакой надобности, — замечал он, — становиться на эту «буржуазную», в действительном смысле этого слова, точку зрения. Подлинно объективная марксистско-ленинская теория исторического знания позволяет нам обойти шаблоны, миновать предвзятые точки зрения, поставить каждое явление прошлого на его действительное место» (стр. 371). Равным образом С. Д. Сказкин обратил внимание на то обстоятельство, что мышление ряда буржуазных историков аграрных отношений при феодализме поро-

дило пропитанное буржуазно-собственническим духом представление о феодальном режиме XVI—XVIII вв., в то время как к этому режиму нельзя подходить с меркой буржуазного права (стр. 304—305). Классовая ограниченность проявилась и в изображении жизни средневековых крестьян, их быта. Это изображение требует критического отношения, так как «многое в оценке буржуазных, особенно французских, ученых нам кажется отголоском того пренебрежения, которое было свойственно феодалам, а затем буржуазии по отношению к крестьянам» (стр. 179).

Среди проблем социально-экономической истории средневековья одно из центральных мест у медиевистов самых различных направлений занимала и занимает проблема вотчины-сеньории. И это естественно. Вотчина, по словам С. Д. Сказкина, воплощала в себе феодальный способ производства, она была его индивидуальным проявлением. Поэтому ее следует рассматривать «как организацию для получения феодальной ренты и как организацию распределения феодальной ренты среди представителей господствующего класса» (стр. 130). Вместе с тем выдающийся советский медиевист убедительно показал несостоятельность того подхода к анализу средневековой вотчины, который свойствен различным вариантам вотчинной теории как в ее классической, так и в модернизированной форме: изображение вотчины в качестве производственной организации. Это представление в гносеологическом плане проистекает из того факта, что при господстве отработочной ренты применительно к крупной вотчине создается иллюзия существования в ее рамках на домениальной земле большого самостоятельного производства (стр. 135—136). На самом же деле, писал С. Д. Сказкин, хозяйство вотчины держалось на крепостном труде крестьян, и земли вотчины обрабатывались крестьянским живым и мертвым инвентарем. «Если известное развитие производства имело место и в господском хозяйстве феодала, то оно осуществлялось за счет крестьянского инвентаря и крестьянского труда, затрачиваемого не как общественно-комбинированный, а как индивидуальный труд» (стр. 129). Поэтому нельзя трактовать вотчину ни как носительницу прогресса производства, ни как воплощение заботы об общественном благе. В этой связи С. Д. Сказкин подверг критике и новейшие разновидности вотчинной теории, стремящиеся ее подновить «внесением в нее некоторых поправок в соответствии с новой документацией и при помощи этих поправок сохранить ее основу, подчеркнуть особые организационно-производственные функции вотчины» (стр. 123).

Показав несостоятельность вотчинной теории, С. Д. Сказкин раскрыл и классовый смысл критики ее классической формы со стороны ряда буржуазных медиевистов. Она была нацелена на устранение из исторической науки вопроса о закреплении свободных общинников и связанных с ним качественных сдвигов в истории, на переоценку всех представлений о социальной сущности раннего средневековья. Такая переоценка, «проводившаяся под флагом уточнений, необходимых якобы в свете новых документов и археологического материала, давала простор для всякого рода реакционных толкований и социологических обобщений, вытекающих из буржуазной идеологии эпохи империализма» (стр. 124). Эти идейно-методологические установки обесценивали эрудицию буржуазных ученых, пагубно влияли на методику обработки и использования ими исторических документов и памятников. Указывая на то, что А. Допш был большим знатоком исторических источников, С. Д. Сказкин одновременно констатировал, что он произвольно истолковывал документальный материал для подтверждения своих взглядов. «...Его метод извлечения из источников исторических данных, несмотря на призывы Допша к необходимости критики источников, никак не может считаться обогащающим науку» (стр. 127).

Последовательно руководствуясь материалистическим пониманием истории, С. Д. Сказкин решительно отвергал все попытки трактовать

экономику средневековья как капиталистическую. Несостоятельность теории «вотчинного капитализма» Допша с лежащим в ее основе тезисом о «капиталистическом духе» определялась прежде всего тем, что «лишь механизм капиталистического воспроизводства требует непрерывного расширения производства, тогда как феодалы являются представителями потребляемого богатства и сам механизм воспроизводства феодального натурального хозяйства не требует постоянного расширения производства» (стр. 128). Развитие товарно-денежных отношений на базе роста простого товарного хозяйства в феодальной деревне, подчеркнул С. Д. Сказкин, само по себе не означало ее капиталистической перестройки. Подлинно научный подход к оценке товарно-денежных отношений в средние века предполагает проведение четкой грани между марксистско-ленинской наукой и теми представителями буржуазной историографии, которые «признают значение экономики для понимания социальной структуры общества, но не делают различия между обществом с развитыми товарно-денежными отношениями и с отношениями капиталистическими в собственном смысле слова» (стр. 141). В феодальной формации развитие товарно-денежных отношений подготавливает определенные условия для возникновения капитализма, но эти отношения капитализму еще не тождественны (стр. 146).

Такие зарубежные историки, как Р. Хилтон, Ф. Граус, называли себя марксистами, но на деле разделяли взгляды одного из направлений буржуазной историографии в характеристике процессов, протекавших в экономике Западной Европы XIII—XV веков. Это произошло именно потому, что, отрицая принципиальную разницу между простым товарно-денежным и капиталистическим хозяйством, они, как и некоторые буржуазные историки, например, М. Постан, стали «упрощать эволюцию производственных отношений феодализма, слишком рано видеть его разложение и отрицание и возникновение капиталистических отношений» (стр. 142). В производственных отношениях позднего феодализма они искали разрозненные признаки капиталистического строя, находя их в замене барщины и натурального оброка денежными платежами, в ликвидации барской запашки, в сдаче домениальной земли в аренду, в имущественной дифференциации крестьянства, неправомерно принимавшейся ими за классовое расслоение, и т. д. В результате М. Постан и Р. Хилтон настолько модернизировали социально-экономические отношения Англии XIII—XIV вв., что по сути дела оказались на допшианских позициях «вечности капитализма». «Там, где они находят сельское хозяйство широкого размаха,— писал С. Д. Сказкин,— там, где они усматривают стремление к увеличению дохода,— там, по их мнению, налицо капитализм» (стр. 145).

Теории кризиса и ликвидации феодализма в западноевропейском сельском хозяйстве XIII—XV вв. С. Д. Сказкин противопоставлял исследования, осуществленные советской исторической наукой. Выводы этих исследований по его словам, «могут считаться прочным вкладом в понимание специфических особенностей этого периода в развитии феодальных производственных отношений». Они предостерегают «от многих ошибок при оценке фактов, относящихся к сложной обстановке переходных периодов от одной формации к другой, в данном случае — от феодализма к капитализму» (стр. 147). Своими работами, в особенности «Очерками по истории западноевропейского крестьянства в средние века», С. Д. Сказкин сам внес большой вклад в изучение как тех изменений, которые происходили в феодальном строе в период, предшествующий переходу от феодализма к капитализму, так и непосредственно процесса генезиса капитализма в сельском хозяйстве.

Для С. Д. Сказкина как одного из основателей советской средневековедения не подлежало сомнению, что осуществление любого исторического исследования всегда связано с привлечением историографии вопроса в

плане оценки содержащегося в ней фактического материала, возможности его использования, соответствия источникам тех выводов, которые были сделаны предшествующими историками. Конечно, ни один ученый не может заново предпринять сплошную проверку той обработки источников, которая была сделана до него. Но большой ученый всегда вскрывает характер работы с источниками основных представителей историографии по предмету его исследования, выявляет своеобразие применяемых ими конкретных методик, возможность их дальнейшего использования или усовершенствования в своей работе. Без этого немислимы ни гворчешкое овладение историографическим материалом, ни критическое преодоление научно несостоятельных и реакционных в идейном отношении взглядов, ни, тем более, подлинный прогресс исторического познания. Научное наследие С. Д. Сказкина содержит немало образцов глубокого проникновения в исследовательскую практику ряда историков, раскрытия сильных и слабых сторон этой практики, умелого использования и самостоятельной обработки фактического материала, накопленного в ходе развития исторической науки.

Обратившись к истории французского крестьянства накануне революции 1789 г., С. Д. Сказкин дал глубокую трактовку источниковедческой базы и методики конкретных исследований двух основных направлений в русской буржуазной историографии, представленных именами М. М. Ковалевского и И. В. Лучицкого. Считая, что построения И. В. Лучицкого в общем стоят ближе к исторической действительности, он вместе с тем полагал, что в этих построениях нет попытки «разобраться в сложном переплетении старого, феодального, и нового, буржуазного права и в социальном смысле этого переплетения, отражавшего в очень своеобразной форме соотношение классовых сил накануне революции» (стр. 301). Именно поэтому картина, нарисованная представителем другого направления, М. М. Ковалевским, будучи принципиально неправильной, не может игнорироваться, так как в ней содержались такие наблюдения над материалом источников, которые не смог сделать И. В. Лучицкий. Это в первую очередь следует сказать о наблюдениях, относящихся к крестьянской задолженности и начавшемуся обезземеливанию крестьянства.

Чтобы осмыслить во всей сложности проблему характера земельной собственности во французской деревне XVIII в., С. Д. Сказкин обратился к такому источнику, как современные эпохе трактаты по феодальному праву. Он показал судьбу этих трактатов в исторической науке. Сочинения феудистов широко использовались французскими историками, но они, с одной стороны, подходили к ним с меркой буржуазного права, а с другой, не стремились понять с их помощью источники по истории аграрных отношений. Трактаты нередко использовались как изолированный источник для воссоздания земельноправовых условий, существовавших во французской деревне. При этом, указывал советский ученый, предавалось забвению, что «юрист часто с одинаковым интересом останавливается и на правиле, и на исключениях и что любовь к юридической казуистике часто заставляет его пространно рассуждать о юридических «редкостях», утративших всякое реальное значение» (стр. 305). И. В. Лучицкий и М. М. Ковалевский оставили этот источник без внимания, хотя обращение к нему развеяло бы миф «о закончившемся будто бы превращении феодальной собственности в буржуазную и полном исчезновении феодального строя с его феодальным правом» (стр. 303). И. В. Лучицкий не обратил на него внимания, будучи полностью поглощен впервые введенными им в научный оборот податными документами, а для М. М. Ковалевского они оказались принципиально бесполезными, так как он отрицал самое существование феодального строя во Франции (стр. 305). Оценивая значение феудистики, С. Д. Сказкин утверждал, что она «обнаружила несравненно большее понимание своеобразия фео-

дализма, чем буржуазная наука XIX в., несмотря на все заслуги последней в области накопления фактического материала и тонкой критики источников» (стр. 304).

Весьма поучительна для выяснения того, как С. Д. Сказкин использовал историографию в специальных исследованиях, его статья «Дифференциация крестьянства во Франции накануне революции 1789 г. «Пахари» и «поденщики» в Шампани в XVIII в.». В историографическом плане она является антитезой утверждений И. В. Лучицкого о незначительности дифференциации крестьянства перед революцией. Однозначно в ней указывалось, что «ни один историк аграрных отношений не может пройти мимо работ Лучицкого, тем более историк, который ставит своей целью изучение проблем, связанных с вопросами крестьянского хозяйства во Франции накануне революции» (стр. 316). Заслуга И. В. Лучицкого применительно к предмету изучения усматривалась прежде всего в том, что он «стал на путь тщательного изучения первоисточников в истинном смысле этого слова, т. е. пренебрегая свидетельствами всевозможных «современников», прямо прорвался к деловым документам времени, составители которых меньше всего думали о том, что они пишут для потомства, и работали, имея в виду не историю, а порученное им дело» (стр. 316).

Последовательно раскрывая на документальном материале, в чем был неправ И. В. Лучицкий, когда отрицал глубину дифференциации крестьянства, С. Д. Сказкин не устал подчеркивать, что самый вопрос о такой дифференциации получил всестороннее обоснование именно в работах И. В. Лучицкого и других историков «русской школы» (прежде всего Н. И. Кареева и М. М. Ковалевского). Труды этих ученых он ставил применительно к исследуемой им проблеме выше того, что сделал французский буржуазный историк А. Матьез. Последний, хотя и подчеркивал роль деревенского пролетариата накануне революции, но в своем столкновении источников, методики их обработки не достиг уровня работ русских историков. А. Матьез не только не ответил на многочисленные вопросы, связанные с ролью пролетариата, но даже не смог указать направления, в котором следует искать на них ответов. Под «пролетариатом» А. Матьез понимал и «нищих», и сельских «поденщиков», просто «бедняков», «неимущих», «безземельных» и т. д. Отмечая, что приводимые А. Матьезом сведения «интересны каждое в отдельности, но связь их и вывод совершенно не обоснованны и недостаточны для решения поставленных вопросов», С. Д. Сказкин считал, что по сравнению с историками «русской школы» А. Матьез сделал шаг назад.

Можно с полной убежденностью сказать, что для С. Д. Сказкина принципы классового подхода, классового анализа применительно к историографии были неотделимы от тщательного, всестороннего изучения источниковедческой базы рассматриваемых концепций, тех конкретных методик, с помощью которых они создавались и обосновывались. Прекрасные образцы такого органического сочетания, содержащиеся в литературном наследстве выдающегося ученого, являются бесспорным достижением советской историографии. Велико их значение для молодого поколения советских медиевистов, которое может и должно учиться у С. Д. Сказкина тому, как, используя все достижения исторического познания, идти вперед в исторической науке, последовательно борясь со всеми отступлениями от марксистско-ленинской методологии и всяческими разновидностями буржуазной идеологии.